

**РУССКИЕ СВЯТЫЕ КАК ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ
НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА:
ПОСТАНОВКА ВОПРОСА**

В. В. Инютин

*Воронежский государственный медицинский университет
имени Н. Н. Бурденко*

Поступила в редакцию 20 июня 2021 г.

Аннотация: целью статьи является выявление основных черт русского национального характера, которые остаются неизменными при любых исторических изменениях. Для достижения поставленной цели необходимо разработать метод, позволяющий выявлять такие общие свойства. Разработка этого метода – задача данного исследования. За основу были приняты теория идеальных типов М. Вебера и феноменология Э. Гуссерля. Сущность метода, наброски которого представлены в статье, состоит в оптимальном сочетании этих двух подходов, позволяющем сочетать сильные стороны обеих методологий.

Ключевые слова: национальный характер, святые, идеальный тип, феноменологическая редукция, Гуссерль, Топоров, социальная феноменология, иосифляне, нестяжатели, Феодосий Печерский.

Abstract: the purpose of the article is to identify the main features of the Russian national character, which remain unchanged in any historical change. To achieve this goal, it is necessary to develop a method to identify such properties. The development of such a method is the task of this study. The theory of ideal types of M. Weber and the phenomenology of E. Husserl were taken as a basis. The essence of the method, the outline of which is presented in the article, is the optimal combination of these two approaches, which allows to combine the strength of both methodologies.

Key words: national character, saints, ideal type, phenomenological reduction, Husserl, Toporov, social phenomenology, Josephites, non-possessors, Theodosius Pechersky.

В современном глобализированном мировом пространстве как никогда остро ощущается необходимость развития русского национального самосознания и сохранения национальной идентичности. Эти процессы напрямую связаны с проблемой формирования национального характера, определения его природы и механизмов проявления.

Проблемы формирования национального характера и идентичности получали наиболее острое звучание в эпохи исторических переломов: время петровских реформ, эпоха наполеоновских войн, период «великих реформ» Александра II, революция 1917 г., постсоветская эпоха. В перечисленные периоды истории России одной из центральных тем, вокруг которой строился дискурс по проблеме национальной идентичности, был вопрос соотношения религии и национального самосознания, а также влияние религии на формирование национального характера.

Одно из системообразующих понятий любой религии – понятие святости. Известный французский социолог Э. Дюркгейм утверждал даже, что понятие «священного» (сакрального) является конституирующим для институциональной системы общества [1].

Однако для понимания взаимодействия религии и национального характера одного представления об институциональной роли религии недостаточно, потому что национальный характер – это явление духовное. В духовном же пространстве действуют смыслы и их системы. Смысл же как таковой, как содержание понятия, обозначается термином «концепт». В исследованиях, в той или иной степени касающихся данной проблематики, концепт святости изучался как центральное понятие религии. Однако вопрос о взаимодействии концептов святости и национального характера не получил сколько-нибудь заметного изучения. Между тем представляется значимым вести речь об особенностях русского понимания святости и обращаться к образам русских святых как лучшим представителям народа, своего рода духовной элите нации.

Среди диссертаций, так или иначе связанных с данной проблематикой и защищенных за последние несколько десятилетий, наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживают исследования А. П. Забияко «Категория святости» [2], С. М. Климовой «Феноменология страстности и святости в русской философии культуры» (2004) [3], С. А. Смирновой «Святость как феномен культуры: семантическое и лингвокультурное описание (2005)» [4], М. Ю. Бубновой «Русская святость как экзистенциальный феномен» (2005) [5], И. В. Цукановой «Философско-культурологический анализ феномена народной религиозности» (2006) [6], П. В. Ляшенко «Красота и святость в философско-эстетических воззрениях П. А. Флоренского и Н. А. Бердяева» (2011) [7], И. В. Семененко-Басина «Персонификация святости в русской православной культуре XX века» (2011) [8].

В перечисленных работах затрагиваются различные стороны проблемы национальных представлений о святости, однако не приводится всеобъемлющий анализ взаимоотношения русских святых, особенностей русской святости и национального характера.

Исследование данной проблематики возможно при использовании специальной методологии, применимой в том числе к феномену русской святости. Одной из ее основ могла бы стать концепция идеальных типов М. Вебера.

Согласно М. Веберу, «идеальный тип» – это рационально конструируемые понятия, являющиеся лишь удобным инструментом исследования, с подошью которого для анализа выделяются не все, но значимые стороны изучаемого явления.

Вместе с тем выбор значимых для изучения свойств явления, если следовать методологии М. Вебера [9], в значительной степени произволен, ибо зависит от предпочтений конкретного ученого.

Необходим такой подход к анализу социальных явлений, который бы позволял социальным феноменам говорить как бы от своего имени и на своем языке. Иначе говоря, необходимо избавить научный дискурс от

стереотипов, привносимых в науку каждым исследователем. Таким методом может стать феноменология Э. Гуссерля [10] и базирующаяся на ней социальная феноменология А. Шюца [11].

С точки зрения феноменологического подхода для понимания любого явления, в том числе и социального, необходимо выделить в этом явлении те фундаментальные черты, которые не зависят от случайностей конкретного исторического момента. В феноменологии для этих целей используется метод феноменологической редукции.

Суть феноменологической редукции заключается в том, что исследователь стремится отказываться от навязанной нашему сознанию всем предшествующим развитием научного дискурса так называемой «естественной установки». Данная установка может быть понята как своего рода стереотип мышления, затемняющий для ученого образ социального явления как такового [12, с. 3].

Появляется возможность вынести за скобки всё то в явлении, что в нем вторично или произвольно приписывается ему самим исследователем.

В частности, как показал А. Шюц, феноменологическая редукция применима в социальной философии. Используя основные принципы Э. Гуссерля для анализа социальной реальности, он выделил повседневность как универсальный феномен, являющийся отправной точкой для любого общественного сознания.

Сочетание этих двух подходов с концепцией идеальных типов М. Вебера представляет собой, на наш взгляд, наиболее эффективное методологическое решение при изучении феномена святости как такового в целом и русского понимания святости в частности.

Для реализации описанного выше подхода необходимо проанализировать, каким образом с течением времени менялись представления о феномене святости.

Пожалуй, первая попытка в новое время обратиться к феномену русской святости зафиксирована уже в екатерининскую эпоху. Этот опыт несет на себе отпечаток своего времени: он реализовывался в популярном тогда жанре словарей и энциклопедий, т. е. особого вида литературы эпохи Просвещения [13, с. 230].

Известный российский специалист в области агиографии И. В. Семеновко-Басин достаточно подробно рассматривает хронологию создания так называемого «национального агиографического проекта» через энциклопедические издания, в обобщенном виде содержащие в себе сведения о русских святых.

Он отмечает, что первым опытом обобщения информации о русских святых следует считать справочник С. П. Соковнина (1784), в котором были собраны сведения, содержащиеся в Прологе, Четьях Минеях, Степенной книге, «Российской истории» М. М. Щербатова, «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова.

Кроме того, следует отметить аналогичные издания, подготовленные А. А. Кузнецовым (1834), Д. А. Эристовым и М. Л. Яковлевым (1836), И. М. Ориентовым (1844) [там же, с. 230–232].

Общей чертой этих опытов, по мнению И. В. Семененко-Басина, был светский характер изданий, а также то, что их задачей было интегрировать чисто церковные представления о святости в светский просвещенческий контекст [там же, с. 232].

Примечательно и то, что подготовка подобного рода энциклопедий и словарей пришлась на эпоху нациостроительства (в современном понимании нации) и складывания концепта нации в русской общественно-политической мысли.

Национальные святые в этом культурном и общественно-политическом контексте предстают как своего рода национальные герои, представители идеальной России – Святой Руси (сам термин «Святая Русь» получил активное употребление в текстах русских мыслителей с середины XIX в.).

Тем не менее уже в словарях и энциклопедиях XVIII в. – первой половины XIX в. прослеживается стремление обобщить всё многообразие проявлений святости на основе представления об образах святых как составных частей русской системы ценностей. И всё же это были лишь первые наброски общей картины взаимоотношений национального самосознания и представлений о святости. XX век в исследовании этого вопроса продвинулся гораздо дальше. В первую очередь, здесь следует упомянуть труды таких крупных специалистов в данной области, как Г. П. Федотов [14] и В. Н. Топоров [15].

Основной труд Г. П. Федотова, в котором развернута его концепция явления русской святости, «Святые Древней Руси» (1931) структурно разделен на главы, каждая из которых посвящена подробному анализу того или иного типа святости, что уже содержит в себе определенный потенциал для конструирования на философской основе идеальных типов русских святых.

Он выделяет три типа русских святых на примере таких выдающихся деятелей русской Церкви, как преподобные Феодосий Печерский, Сергей Радонежский (как связующее звено между домонгольским и постмонгольским монашеством), Нил Сорский и Иосиф Волоцкий.

Г. П. Федотов пришел к выводу о том, что преп. Феодосий Печерский и его сподвижник преп. Антоний Печерский были продолжателями греческой и ближневосточной традиций православной аскезы. У них, как писал Г. П. Федотов, «... не было и не могло быть русских учителей» [16].

Если сирийско-египетская школа святости отличалась довольно жесткой аскезой и «возвышенностью созерцания» [14], то позиция палестинской школы была более сбалансированной. Их аскеза заключалась в воздержании и телесном труде. При этом киновия сочеталась с лаврской (полуобщезительной) организацией монашеской общины.

В традициях палестинской школы также было и служение миру. Такие представители Палестины, как преп. Евфимий Великий и преп. Савва Освященный, занимались и «окормлением» больниц и странноприимных домов, и принимали участие в борьбе против ересей в городе и княжеском дворце [там же].

Именно этому идеалу, по утверждению Г. П. Федотова, следовал Феодосий Печерский, перенесший на русскую почву палестинские традиции. По выражению Г. Федотова, «преподобный Феодосий – отец русского монашества. Все русские иноки – дети его, носящие на себе его фамильные черты» [там же].

По крайней мере, стремление к гармоничному сочетанию деятельности и молитвенной жизни было весьма характерной чертой иноков домонгольского периода [там же]. Тогда был сформирован тип святости, позволяющий сочетать служение миру и духовное делание.

Таким образом, если отбросить второстепенные отличия между церковными деятелями домонгольского времени, можно выделить Феодосия Печерского и его последователей в отдельный идеальный тип святости, основным признаком которого было стремление к равновесию между мирским и духовным служением, а также к умеренной телесной аскезе. Именно этот идеальный тип и послужил первоосновой для русского национального характера.

Два других направления русского монашества исихазм (нестяжательство) и иосифлянство несут в себе черты уже совершенно другой эпохи, но в своей основе базируются на всё том же идеале святости Феодосия Печерского.

Исихазм персонифицировался в фигурах преп. Сергия Радонежского и преп. Нила Сорского, которые стремились в первую очередь достичь духовного совершенства за счет «внутреннего делания». Сущностью учения нестяжателей были представления об «умной молитве» и Фаворском свете.

Преп. Нил Сорский, будучи пустынно жителем, по наблюдению Г. П. Федотова, не отказывается от кинонии как формы организации монашеской жизни и возможности влияния монашества на мир. Но сама эта самоорганизация монастыря и его взаимодействие с обществом должны быть построены на принципе внутренней свободы [16].

Иное соотношение личностного и социального, согласно автору «Святых Древней Руси», представляет собой образ преп. Иосифа Волоцкого. Идеал иосифлян изложен в разработанной преп. Иосифом «Духовной грамоте». Из четырнадцати глав этого обширного «Устава» девять первых посвящены внешнему монастырскому быту и благочинию. В них речь идет о соборной молитве, монастырской трапезе, службах и послушаниях и т. д.

Иными словами, совершенство внутреннее достигается через дисциплину внешнюю.

Интенции мысли именно этих двух направлений русской богословской мысли XV–XVI вв. – сторонников и последователей преп. Нила Сорского и преп. Иосифа Волоцкого – можно проследить в философских системах более поздних эпох [17].

Таким образом, если, опираясь на метод феноменологической редукции, проследить эволюцию русского национального характера, то можно выделить основной идеальный тип – это тип людей, сочетающий рабо-

ту над своим духовным миром и социальное служение и восходящий к первым подвижникам Киево-Печерской лавры и, в частности, Феодосию Печерскому.

В дальнейшем этот тип из-за влияния перипетий русской истории деформировался в двух основных направлениях: категория людей, склонных по преимуществу к сильной внутренней рефлексии и редко проявляющих заметную социальную активность (именно их имел в виду Н. Бердяев, когда утверждал, что русский народ – «самый безгосударственный народ в мире» [18]); и, в направлении второго типа, склонных к этатизму (тип, тесно связанный с иосифлянством).

Вместе с тем методы рассмотрения явления святости, которые предлагает в своей книге Г. П. Федотов, всё еще остаются в границах исторического, а не философского дискурса.

Исследование проблемы русской святости было продолжено В. Н. Топоровым, который в своем двухтомном труде «Святость и святые в русской духовной культуре» [15] рассматривает этимологию термина «святость» и выявляет сущностные черты святости как явления.

В. Н. Топоров возводит этимологию слова «святой» к праславянскому корню «svet (svent)» [там же, с. 8–9], который дословно означает «возрастание, набухание» в смысле увеличения физических характеристик. В языческую эпоху речь в первую очередь шла о вегетативном плодородии и жизненной силе. Христианское понимание святости, таким образом, по мнению данного автора, в русской традиции является результатом переосмысления старого значения термина «sven». В условиях христианской культуры данный термин приобрел значение духовного возрастания.

В. Н. Топоров полагает, что особенностью именно древнерусского понимания сакрального [там же, с. 9] (святого) является бескорыстность самой идеи святости в русской рецепции: весь видимый мир должен быть сакрализован, освобожден от власти злого начала, а цель – «святое царство» – может быть достигнута здесь и сейчас. В качестве примера В. Н. Топоров приводит православную литургию.

Таким образом, наиболее важным признаком святости, по В. Н. Топорову, является максимально полное воплощение в человеке идеалов «святого царства». При этом ученый, подвергая дальнейшему историческому анализу процесс формирования концепта «святость» в рамках древнерусской культуры, приходит к важным для развития предложенной нами методологии выводам об особенностях древнерусского представления о святости.

В частности, в первой главе своего труда «Святость и святые в русской духовной культуре» он подверг подробному компаративистскому анализу текст «Прогласа» Константина Философа и пришел к выводу о том, что богословское представление о святости складывалось на Руси из таких основных компонентов, как представление о Софии – премудрости Божией, помогающей познать тайны духовного мира, и представлении о слове Божиим как средстве создания народа Божия – Церкви – из различных этнических элементов [там же, с. 56].

Однако самым важным моментом является то, что В. Н. Топоров, как и Г. П. Федотов, считает, что исходный тип святости, получивший распространение в русской культуре, имеет сбалансированный характер.

Если для Г. П. Федотова воплощением данного идеального типа стал образ Феодосия Печерского, то для В. Н. Топорова таковым был Константин Философ, один из двух «солунских братьев», создавших русскую письменность.

Есть и у В. Н. Топорова, как и у Г. П. Федотова, свой город-символ, в котором мир, основанный именно на таком типе святости, получил свою изначальную реализацию, – это крымский Херсонес, в котором был крещен князь Владимир Святой (Г. Федотов таковым считал Киев).

В. Н. Топоров считает, что эти два символа истории России – Херсонес и Константин Философ – связаны между собой неразрывно. В их лице миры Западного и Восточного христианства уравниваются и взаимодополняют друг друга. Именно в равновесии восточного и западного элементов христианства и видел главную особенность изначального типа русской святости В. Н. Топоров. Он писал: «В метафизически-историческом плане через Херсонес Константин связан и с Русью – с Киевом, Москвой, Петербургом, звеньями одной цепи, и с христианством на Руси. Своей жизнью Константин, как нитью, прошил-соединил в некое сверх-эмпирическое единство эти города, связав их со священными столицами христианства – Иерусалимом, Римом, Константинополем, и звеном соединения стал именно Херсонес, и будущую историю России с мировой историей. Подобным же образом Константин Философ в своем жизненном опыте соединял Восточное христианство и Западное христианство, воспринимаемые им как части единого Вселенского христианства, понимал тот еще более общий контекст, в котором христианство и иудаизм имеют их общую часть, представлял себе ту нишу, которую занимало мусульманство в общей картине великих религий его времени» [там же, с. 191].

Все последующие исследования проблемы в той или иной степени основывались на трудах этих двух авторов, затрагивая отдельные аспекты феномена святости, не проводя развернутого философского анализа явления.

Итак, при сопоставительном анализе наиболее важных трудов философов, касавшихся данной проблематики, и опираясь на методы феноменологии, можно выявить наиболее общие свойства исходного идеального типа святых в контексте русской рецепции православия. Уникальность его состоит в сбалансированном сочетании свойств, присущих как западному, так и восточному христианству.

Если для западного мира всегда была характерна сильная мирская составляющая в деятельности как Церкви в целом, так и на уровне отдельных ее лучших представителей, то для восточного христианства – сильный акцент в пользу «внутреннего делания» при минимальном интересе к мирской активности.

На фоне этих различий признание русским монашеством кинонии и социального служения в равной мере важными поприщами образуют

оптимальное сочетание качеств, позволяющее в полной мере раскрыть возможности человеческого духа, предоставляемые мировой культуре христианством.

Литература

1. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни : тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм. – М. : Элементарные формы, 2018. – 808 с.
2. *Забияко А. П.* Категория святости : сравнительное исследование лингворелигиозных традиций / А. П. Забияко ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1998. – 207 с.
3. *Климова С. М.* Феноменология страстности и святости в русской философии культуры : дис. ... д-ра филос. наук / С. М. Климова ; Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 2004. – 371 с.
4. *Смирнова С. А.* Святость как феномен культуры : семантическое и лингвокультурное описание : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Смирнова ; Северодвинский филиал Поморского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2005. – 218 с.
5. *Бубнова М. Ю.* Русская святость как экзистенциальный феномен : дис. ... канд. филос. наук / М. Ю. Бубнова. – СПб., 2005. – 138 с.
6. *Цуканова И. В.* Философско-культурологический анализ феномена народной религиозности : дис. ... канд. филос. наук / И. В. Цуканова ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2006. – 179 с.
7. *Ляшенко П. В.* Красота и святость в философско-эстетических воззрениях П. А. Флоренского и Н. А. Бердяева : дис. ... канд. филос. наук / П. В. Ляшенко ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2011. – 154 с.
8. *Семеновко-Басин И. В.* Персонификация святости в русской православной культуре XX века : дис. ... д-ра ист. наук / И. В. Семеновко-Басин ; Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 2011. – 370 с.
9. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер ; пер. с нем. М. И. Левиной // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 345–414.
10. *Гуссерль Э.* Логические исследования : картезианские размышления / Э. Гуссерль. – Минск ; М. : АСТ, 2000. – 752 с.
11. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль : тексты. – М., 1994. – С. 481–497.
12. *Инютин В. В.* Феноменологическая интерпретация идеальных типов как методология социального познания : автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. В. Инютин ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2007. – 24 с.
13. *Семеновко-Басин И. В.* «Национальный агиографический проект» в российском культурном процессе XIX века / И. В. Семеновко-Басин // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 10-2 (31). – С. 229–239.
14. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – М. : Моск. рабочий, 1990. – 272 с.
15. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. / В. Н. Топоров. – М., 1995. – Т. 1. – 875 с.

16. Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости / Г. П. Федотов // Федотов Г. П. Судьба и грехи России : [в 2 т.]. – СПб., 1992. – Т. 1 – С. 302–319.

17. Инютин В. В. Феноменология русской святости / В. В. Инютин, А. О. Мещерякова // Наука и образование в созидании духовно-нравственных ценностей в современном обществе : проблемы и перспективы. – Воронеж, 2018. – С. 90–92.

18. Бердяев Н. А. Русский народ. Богоносец или хам? / Н. А. Бердяев. – М. : Алгоритм, 2014. – 240 с.

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Инютин В. В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки

E-mail: inutin@inbox.ru

Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko

Iniutin V. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanitarian Training

E-mail: inutin@inbox.ru